

А. Д. Хлутков¹,
В. А. Шамахов²

РОССИЯ НА ПУТИ К СТАНОВЛЕНИЮ ГЛОБАЛЬНОЙ (ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ) ГЕОПОЛИТИКИ

Глобальная тенденция становления многополярного мироустройства реализуется, как говорится, на наших глазах. Происходящее обретет реальные контуры спустя годы, однако уже сегодня признаки многополярности становятся все заметнее. Достаточно вспомнить концепцию локальных цивилизаций С. Хантингтона, благодаря которой классическая (силовая, военная) геополитика постепенно стала обретать статус глобальной (цивилизационной) геополитики.

Теперь в качестве акторов глобальной геополитики рассматриваются не только государства, но и наряду с ними локальные цивилизации, международные союзы и организации (к примеру, Организация Объединенных Наций, Европейский союз и Евразийский экономический союз, Организация Североатлантического договора и Организация Договора о коллективной безопасности, Шанхайская организация сотрудничества и Организация тюркских государств).

После распада Советского Союза стала проследиваться тенденция к утверждению однополярного (униполярного) мира во главе с США, однако с каждым годом все более отчетливо звучат заявления специалистов в области мировой политики и международных отношений о грядущем становлении многополярного мироустройства.

¹ Директор Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, доктор экономических наук, доцент. Автор более 60 научных публикаций и учебно-методических пособий, в т. ч. монографий: «Политика обеспечения экономической безопасности России в условиях глобализации», «Национальная финансовая политика в обеспечении экономической безопасности государства», «Развитие городов: теоретические и методические аспекты» (в соавт.) и др.; учебных пособий: «Основы экономической безопасности бизнеса» (в соавт.), «Основы бескризисного государственного управления в эпоху глобализации» (в соавт.) и др. Награжден орденом Почета, медалями ордена «За заслуги перед Отечеством» I и II степени, медалью за отличие в воинской службе I степени, медалью «В память 300-летия Санкт-Петербурга», медалями «За отличие в военной службе» I, II и III степени.

² Научный руководитель Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, доктор экономических наук, кандидат исторических наук, профессор, действительный государственный советник РФ I-го класса. Генерал-полковник таможенной службы. Автор более 100 научных публикаций, в т. ч. монографий: «Военная безопасность России и ее информационная политика в эпоху цивилизационных конфликтов» (в соавт.), «Властные механизмы обеспечения военной безопасности Российской Федерации в эпоху противостояния цивилизаций» (в соавт.), «Профессионализм на государственной гражданской службе: технологии достижения» и др. Член Научно-экспертного совета при Председателе Совета Федерации Федерального собрания РФ, Экспертного совета Комитета Госдумы РФ по физической культуре, спорту, туризму и делам молодежи, Экспертно-консультативного совета при Законодательном собрании Ленинградской области, Общественной палаты Санкт-Петербурга. Награжден орденом Дружбы, Святого Владимира, Святого благоверного князя Даниила Московского III степени, орденом Льва Финляндии и др. Удостоен Благодарности Президента РФ. Лауреат премии Правительства Санкт-Петербурга.

По этому поводу стоит вспомнить выступление И. С. Иванова³ на XX ежегодной конференции Балтийского форума «США, ЕС и Россия — новая реальность» (2015). Вот его слова о *закате Большой Европы*: «Стало модным заявлять о том, что на место Большой Европы от Лиссабона до Владивостока приходит Большая Евразия от Шанхая до Минска. И хотя контуры Большой Евразии пока остаются зыбкими и во многих отношениях неясными, нельзя не отметить объективный и долговременный характер процессов становления новой транснациональной экономической и политической конструкции. Евроатлантика и Евразия оформляются как новые центры глобального притяжения, а отношения между ними превращаются в главную ось мировой политики будущего...»

Перед нами стоит задача определить такие правила игры между Евроатлантикой и Евразией, которые свели бы к минимуму риски неконтролируемой конфронтации, создали бы возможности для диалога и сотрудничества в решении общих проблем и восстановления управляемости международной системы⁴.

Спустя четыре года В. А. Чижов — постоянный представитель Российской Федерации при Европейском союзе, Чрезвычайный и Полномочный Посол, принимавший участие в 17-м Родосском форуме «Диалог цивилизаций» (конференция «Глобальный (бес)порядок: на пути к мировоззрениям, основанным на диалоге»), — выступил с докладом «Мировой (бес)порядок и европейская (не)безопасность», в котором сказал, что Евросоюз был основан «не на ценностях, а на интересах, как инструмент предотвращения новой войны в Европе... Сейчас ЕС в известном смысле вернулся к своему первоначальному предназначению и вновь превратился в инструмент сопряжения интересов своих стран-членов. Менее чем через три недели начнет работу новая Еврокомиссия, глава которой У. фон дер Ляйен определила ее как „геополитическую“. Посмотрим, как геополитика в исполнении новоиспеченных еврокомиссаров будет способствовать преодолению перечисленных мною кризисных явлений и сохранению за Европой в широком смысле этого слова глобальных позиций как в экономике, так и в политике в меняющемся многополярном мире...»

Но хотелось бы обратить внимание на очевидное. Единственный путь для того, чтобы Евросоюз уже в этом веке не превратился в захудалый „задний двор“ мировой экономики и политики, — это объединение Европы или даже Евразии от Лиссабона до Владивостока... Что же касается более общего „рецепта“ объ-

³ Министр иностранных дел России (1998–2004), президент Российского совета по международным делам.

⁴ Иванов И. С. Закат Большой Европы: [выступление на XX ежегодной конференции Балтийского форума «США, ЕС и Россия — новая реальность». Рига, 12 сентября 2015 г.]. URL: <https://globalaffairs.ru/global-processes/Zakat-Bolshoi-Evropy-17680> (дата обращения: 10.04.2022).

единения Евразии, то он, на наш взгляд, уместается в простое словосочетание — интеграция интеграций. То есть сопряжение экономических потенциалов двух сосуществующих на нашем континенте крупнейших интеграционных проектов — ЕАЭС и ЕС.

Характерно, что зафиксирован этот рецепт был впервые еще на московском саммите Россия–ЕС в 2005 году в „дорожной карте“ по общему пространству внешней безопасности: „Россия и Европейский союз признают, что процессы регионального сотрудничества и интеграции, в которых они участвуют и которые основаны на суверенных решениях государств, играют важную роль в укреплении безопасности и стабильности. Они соглашаются активно продвигать эти процессы взаимовыгодным образом посредством ориентированного на результат тесного сотрудничества и диалога между Россией и Европейским союзом, внося тем самым эффективный вклад в формирование Большой Европы без разделительных линий и основанной на общих ценностях“.

На мой взгляд, трудно поспорить с тем, что только „Большая Евразия“ с ее смычкой инвестиционно-технологического потенциала ЕС и ресурсной базы России и ее партнеров по ЕАЭС сможет составить здоровую конкуренцию бурно развивающемуся Азиатско-Тихоокеанскому региону (АТР)»¹.

Между тем силовая политика, которую сегодня реализует Евросоюз, не ставит цели преодоления кризисных явлений в политике Запада с учетом формирования многополярного мира и других глобальных изменений. Напротив, после начала специальной военной операции на Украине политика ЕС стала еще более одиозной.

Более того, следует напомнить, что стратегическая задача в отношениях России с ЕС была четко сформулирована в Концепции внешней политики Российской Федерации (утв. 30 октября 2016 г.), где упомянуты три региона евразийского континента — Евро-Атлантический, Евразийский и Азиатско-Тихоокеанский: «Формирование общего экономического и гуманитарного пространства от Атлантики до Тихого океана на основе гармонизации и сопряжения процессов европейской и евразийской интеграции»².

Очевидно, что Концепция внешней политики Российской Федерации претерпит определенные изменения и будет принята в новой редакции после завершения специальной военной операции и осмысления глобальных геополитических подвижек в мире.

В ходе дискуссий о Большой Евразии, Большом евразийском партнерстве и месте России в нем министр иностранных дел России С. В. Лавров, выступая в Совете Федерации РФ 1 декабря 2021 года, определил ны-

нешний статус нашего государства следующим образом: «Россия — великая евразийская, евро-тихоокеанская держава»³.

В связи с этим вспоминаются гордые слова, которые канцлер А. М. Горчаков после Крымской войны адресовал правительствам европейских государств: «Россия не сердится — она сосредоточивается» («La Russie ne boude pas — elle se recueille»). Так продолжается традиция открытой и четкой политики России. Но время привносит и новое: сегодня она согласуется с заявлением В. В. Путина о необходимости держать Запад в напряжении («известное напряжение там все-таки возникло»¹).

Такая позиция России четко выражает одну из ключевых тенденций нашего времени: обособление государств друг от друга и устойчивость к попыткам внешнего влияния на их поведение после завершения «тридцатилетнего перехода», последовавшего за холодной войной². Необходимость держать Запад в напряжении — естественная реакция на ведущуюся против России гибридную войну (в том числе когнитивную, *cognitive warfare*), которая в последние годы определяет глобальную военно-политическую повестку.

Сегодня Россия воспринимается европейцами как империя, о чем в книге «Евразийская империя» писала Э. Каррер д'Анкосс, известный французский историк и политолог, постоянный секретарь Французской академии. На основе подробного обзора политических хитросплетений в жизни постсоветской России она задается вопросом: поскольку идея евразийства вновь стала популярной в России под влиянием националистов, которые ностальгируют по империи и видят в этой идее способ осуществить имперскую мечту, следует ли сделать вывод, что «значение, которое придает сегодня российская власть исламу и Азии, является последним проявлением имперского менталитета, пережившего исчезновение империи? Или же все проще, и это прагматизм государства, которое учится жить без империи и пытается после ее распада заменить ее зоной особого влияния, основанной на своего рода „доктрине Монро по-русски“? В конечном итоге не трансформируется ли Россия, вдохновленная американским примером, в республику-империю?»³

Ответ вряд ли может быть однозначным. Все-таки Евразия как средоточие геополитических и иных интересов многих стран по-разному видится как государствами собственно евразийского континента, будь то великие державы или государства-лимитрофы, так и с берегов других континентов. Российскую гецивилизацию, в свою очередь, следует рассматривать как один из полюсов полицентричного мироустройства.

¹ См.: Кефели И. Ф., Шамахов В. А. Геополитические и геоэкономические аспекты взаимодействия ЕАЭС и ЕС в формате Большого евразийского партнерства // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2019. № 4. С. 17–25. URL: <https://www.eijournal.ru/jour/article/view/247/230> (дата обращения: 16.06.2022).

² Указ Президента РФ от 30 ноября 2016 г. № 640 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации // Гарант : [информ.-правовой портал]. URL: <https://base.garant.ru/71552062> (дата обращения: 21.06.2022).

³ Выступление министра иностранных дел России С. В. Лаврова на тему «Приоритеты внешней политики России» на «правительственном часе» и ответы на вопросы в СФ ФС РФ. Москва, 1 декабря 2021 г. URL: https://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/4977054 (дата обращения: 10.04.2022).